

История идей

Лев Клейн

КОНЦЕПЦИЯ ЗАМКНУТЫХ КУЛЬТУР И ЦИКЛИЗМ

Аннотация. Идея циклизма в рамках различных концепций развития и эволюции замкнутых культур рассматривается в историческом аспекте гуманитарного знания Европы и России XIX – XX веков. Показано как эволюционировала идея становления и упадка культуры определенного народа, государства, этноса в различных теориях. Особое внимание уделяется культурно-историческим воззрениям Н.Я. Данилевского, культурологическим работам О. Шпенглера, идеям российской евразийской этнологии, социологическим и этнологическим теориям В. Шубарта, А. Тойнби, П. Сорокина, Л. Гумилева.

Ключевые слова: концепция замкнутых культур, циклизм, релятивизм, культурогенез, этногенез.

Annotation. The idea of cyclism in the context of different conceptions of development and evolution of closed cultures is considered in the historical aspect of European and Russian humanistic knowledge from XIX – XX centuries. This article presents evolution of the idea of formation and decline of culture of particular nation, state, ethnic group in different theories. This article emphasizes on cultural-historical view of N. Danilevskiy, culturological works by O. Shpengler, ideas of Russian Eurasian ethnology, sociological and ethnological theories by V. Shubart, A. Toinby, P. Sorokin, L. Gumileva.

Keywords: conception of closed cultures, cyclism, relativism, culturegenesis, ethnogenesis.

Концепция замкнутых культур, циклизм и релятивизм

Концепция замкнутых (параллельных, эквивалентных) культур, циклизм и релятивизм. Это предмет, который практически отсутствует в учебниках истории антропологии. Фигуры, представленные здесь, также отсутствуют, хотя некоторые из них занимают свое место в истории социологии, философии или истории.

Название концепции не общепринятое, хотя никто не сомневается, кого сюда можно отнести. Ну, конечно, О. Шпенглер, конечно, А. Тойнби. Впрочем, мы увидим, что не только они, а может быть, и не они в ней застрельщики.

Актуальность концепции в современном мире

Кризис европоцентризма как подоснова концепции

Историографы называют эту концепцию по-разному, используя для этого разные характеристики концепции. Ее называют также *концепцией параллельных (или эквивалентных) культур (или цивилизаций)*. Коль скоро культуры и их ценности считаются эквивалентными, можно эту концепцию характеризовать как *релятивистскую*. А раз эти культуры или цивилизации располагаются исторически, сменяют друг друга в качестве ведущих сил на мировой исторической сцене и каждая из эквивалентных культур имеет начало и конец, то каждая образует как бы цикл, можно сказать, проходит один и тот же цикл. Поэтому у концепции есть и еще одно название – *циклизм, концепция становления и упадка (rise-and-fall concept)*.

Когда я приступил к этой теме, мне показалось, что она особенно злободневна для Восточной и Юго-Восточной Европы, где нет стабильности, где крупные империи (Турецкая, Австро-Венгерская, да и Российская) развалились, где то и дело возникают новые государства, претендующие на равенство с ведущими державами мира, на эквивалентность своих ценностей тем, которые навязаны миру ведущими нациями. Но чем больше я вникал в тему, тем больше осознавал ее общезначимость для современной ситуации в мире, где новые центры технического прогресса образовались в Восточной и Юго-Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань), а также Индия и Китай поколебали уверенность сверхдержавы США в устойчивости ее лидерства.

Кризис европоцентризма как подоснова концепции. Национализм и изоляционизм как суть региональной реализации концепции. Ведущие мыслители эпохи Просвещения верили в единый и универсальный разум человечества. Эволюционисты второй половины XIX века были уверены в единообразных законах развития. Моделью развития те и другие видели европейскую культуру – это был образец для остальных, высшее достижение мировой цивилизации. Историограф М. Харрис даже отмечает у эволюционистов очень заметные черточки, которые мы сейчас охарактеризовали бы как расистские (в частности презрительные высказывания Л.Г. Моргана о неграх).

Критикуя эволюционизм, диффузионисты увидели за общим сходством различие частных культур, они прослеживали связь и взаимозависимость разных культур. В культурных явлениях они отмечали сходства, повторяемость, видя в этом распространение одного и того же, *гомологию*. Но, упирая на различия, они дошли

Идея законченного цикла развития цивилизаций

и до представления об уникальности каждой культуры, следовательно, до равнозначности ее ценностей всем другим. При этом как-то утрачивалось представление о прогрессе, о некоторой иерархии ценностей. Словом релятивизм зарождался уже у них.

Сторонники концепции эквивалентных цивилизаций довели эту анти-эволюционистскую линию рассуждения до предела. Существование и развитие происходили не однонаправленно и однолинейно, а по-разному. Разные культуры сосуществовали и – как ведущие – сменяли друг друга, каждая со своей судьбой и системой ценностей. Каждая самодостаточна и автономна. Все равноценны и эквивалентны по исторической значимости. Они несопоставимы и уникальны. Развитие не идет как бесконечный процесс, а каждая культура в этой цепи смен имеет свой законченный цикл развития.

Л.А.Ж. Кетле еще в 1848 году вычислил среднюю продолжительность пяти древних империй – она оказалась равной 1461 годам, то есть древнеегипетскому циклу Сотиса, легендарной жизни Феникса.

Но настоящая эпоха теорий эквивалентных культур – это первая половина XX века. Главное отличие этой эпохи – крушение европоцентризма: подъем национально-освободительных движений в колониях, их освобождение, выход на мировую арену отсталых прежде стран как важных сил. Одни возвысились до уровня самых передовых – как Япония, Южная Корея, Гонконг, другие, по крайней мере достаточно независимы, – Китай, Индия, Индонезия, третьи распоряжаются сами своим природным богатством, заставляя ведущие страны Европы и мира с собой считаться – Саудовская Аравия и др. арабские страны.

На этом фоне и можно было бы рассматривать происхождение и становление концепции эквивалентных культур, говоря о О. Шпенглере и А. Тойнби, если бы не одно обстоятельство.

Одна страна, сравнительно отсталая, но не колониальная, даже в некотором смысле имеющая свои колонии, – страна, с одной стороны европейская, с другой – азиатская, – начала раньше других размышлять над проблемой своей причастности к общеевропейским ценностям и техническому пониманию прогресса и цивилизации. Это Россия. Теория эквивалентных культур – это первое течение в мировой историософии и культурной антропологии, которое возникло именно здесь. Возникло одновременно с эволюционизмом на Западе, еще в XIX веке.

Теория эквивалентных культур возникла в России

В течение почти всего XIX века в России шел спор славянофилов с западниками. А тенденции такие ощущались еще раньше, начиная с прорыва в Европу, осуществленного Петром I, и даже еще до Петра. Западники считали, что Европа во многом обогнала Россию и что русским надо использовать европейский опыт, потому что другого пути к прогрессу нет. Славянофилы возражали: мы не такие, как все, Россия не укладывается в общие рамки, у нее особый путь, своим собственным путем мы еще покажем всем наивысшие достижения и сменим загнывающую западную цивилизацию. Большевики по другим нотам, но пели те же песни: мы покажем всему миру, как жить. До недавнего времени Россия ощущала себя молодой и растущей нацией.

Культурно-исторические типы Н.Я. Данилевского

«Россия и Европа» Н.Я. Данилевского. Первый образец теорий замкнутых эквивалентных культур представил русский славянофил и консерватор Николай Яковлевич Данилевский (1822 – 1885) в книге «Россия и Европа» (журн. изд. 1869, отд. книгой – 1871) [1].

Первый образец теорий замкнутых эквивалентных культур

«Почему Европа ненавидит Россию?»

1) Повод написания и конкретный вывод. Основной вопрос, который Н.Я. Данилевский ставил в своей книге гласил: «Почему Европа ненавидит Россию?». Ненавидит ли, для Н.Я. Данилевского вопроса не составляло. Это был для него факт. Вопрос только был: за что? Некоторые основания для такой констатации были: в начале века Наполеон вел на Россию армию из всех завоеванных им стран Европы – «нашествие двенадцати языков», затем Николаевскую Россию прозвали «жандармом Европы» – она усмиряла революции и грозила всем, а в середине века в Крымской войне против России объединились Англия, Франция и Турция и разбили ее. Национальное самосознание было уязвлено. Так что вопрос был не ненавидит ли Европа Россию, вопрос был: почему ненавидит.

Н.Я. Данилевский писал: «Европа видит в России и славянстве не только чуждую, но и враждебную силу». В поисках рациональной основы не надо рыскать в политических событиях. «Причина явления гораздо глубже. Она лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели» [2]. За этим кроется осознание того, что Европа уже вступила в период упадка, а Россия – молодая, поднимающаяся сила.

Идея о национальном духе

Утилитарный европейский человек естественно выступает против российской соборности, ему претят российская нравственность и бескорыстие. Россия должна встать во главе всеславянского союза.

2) *Историософская концепция.* Этот частный вывод подкреплялся более широкой историософской концепцией – теорией культурно-исторических типов. Каждая народность, каждая культура представляет особый культурно-исторический организм. Организмы эти совершенно самостоятельные – как отдельные живые виды. Можно сказать, что каждая представляет отдельный культурно-исторический тип. Концепция была направлена против просветительской идеи прогресса и повсеместно одинакового однолинейного развития.

Эта концепция была в русле романтических идей начала XIX века о «национальном духе» и ее можно рассматривать как одно из проявлений (пожалуй, самое раннее) концепции столкновения этноцентрических интересов (Л. Гумплович, У.Г. Самнер, В. Вундт). Игнорировать национальные особенности нельзя: в них концентрировано наиболее ценное, что накоплено поколениями. Здесь Н.Я. Данилевский переходит к философско-исторической основе своей концепции.

3) *Философско-историческая основа.* Человечество в своей истории едино. Есть некая нить, проходящая сквозь все культурно-исторические типы. Каждый последующий тип чем-то превосходит предшествующий (здесь есть нечто схожее с эволюционизмом). Каждый тип работает не только для себя, но и для мира. Каждый, но особенно это касается России. Борьба Запада с Россией – это борьба Земного Града с Градом Божьим. Россия – носитель истинной православной религии, синтезировавшей лучшее, что создано человечеством. У России есть всемирно-историческая миссия – спасти мир.

Биография. Н.Я. Данилевский – выпускник Царскосельского лицея, в котором за пару десятилетий до него учился А.С. Пушкин. Затем Н.Я. Данилевский окончил Санкт-Петербургский университет по естественно-математическому факультету, написал диссертацию по математике. Увлечен социалистическими идеями Ш. Фурье (это в Николаевской России!), вошел в кружок М.В. Петрашевского. Естественно, был арестован, провел четыре месяца в Петропавловской крепости и сослан в Вологду.

Там работал чиновником департамента сельского хозяйства, участвовал в ботанических и зоологических экспедициях. Разумеется, мимо него не прошло появле-

Идея о миссии России

Биография Н.Я. Данилевского

Доминанта идеи о национальной исключительности русских

Концепция культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского

ние книги Ч. Дарвина (1859), скандальной для России. Н.Я. Данилевский возмутился и написал книгу с критикой теории Ч. Дарвина – антиэволюционистскую. Он отверг естественный отбор в борьбе за существование: в дикой природе виды консервативны и не пластичны. Сила наследственности увеличивается со временем. Не естественный отбор меняет вид, а развитие внутренних сил в разных условиях. Гибнут виды не от поражения в борьбе, а от иссякания внутренней жизненной силы при завершении естественного цикла.

Так в мировоззрении Н.Я. Данилевского был заложен естественно-научный фундамент для его историософской концепции.

В зрелом возрасте Н.Я. Данилевский, как это часто бывает, порвал с социализмом и превратился в славянофильствующего консерватора-монархиста. (Он проделал дорогу, которой после него шли целые партии.) Его романтизм теперь сугубо монархический и славянофильский. Но он отличался от идей ранних славянофилов И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина. Те были против преклонения перед Западом, против недооценки собственных способностей России, романтически идеализировали старину. Но они не были националистами. Они были не против европейского образования. Почитали Гегеля, учившего, что народы сменяют друг друга в качестве лидера. Были другие – теперь пришла пора России встать во главе всех, особенно славян.

У Н.Я. Данилевского же налицо именно национализм, идея национальной исключительности русских. Он осуждает европейское образование и просвещение. Он против заимствования европейских политических форм, против свободы слова, конституции, парламента. Следом за Ф.М. Достоевским и А. Григорьевым он призывает опираться на «народную почву» – не надо конституционных гарантий, в русском народе уже заложены и общественное мнение и справедливость, они проявятся сами. А парламент, партии, конституция – это только искусственный барьер между властью и народом. Словом, политические убеждения были те, что выражены в классической формуле реакционного николаевского министра С.С. Уварова: самодержавие, православие, народность. Таков был политический фундамент для концепции Н.Я. Данилевского.

Культуры и этносы у Н.Я. Данилевского. Н.Я. Данилевский старается применять естественно-научный подход к истории, к обществу. В природе нет непрерывности, она дискретна. Виды не скрещиваются. Деви-

Принципы систематики культур

зы «единое человечество», «общечеловеческий прогресс», «всеобщая история» – суть фикции. По Н.Я. Данилевскому, биологически человечество едино, но культуры полностью подчиняют себе биологическую жизнь этноса. Истинные носители мировой истории – народы, а культуры. А они разные.

Как и животный мир, культуры можно упорядочить на основе двух принципов:

1. «*Морфологический принцип*» определяет сущность культуры, специфическое для каждой соединение языка, этнографии, хозяйства, политики, духовной жизни и т. д. В своей совокупности они и образуют *культурно-исторический тип* (будем здесь сокращенно именовать его КИТ). КИТы соответствуют биологическим типам Ж. Кювье. У каждого свой план организации. Есть разные виды культурно-исторических типов: *творческий, разрушительный и этнографический*. Эти фундаментальные планы не переносимы с одной культуры на другую. Каждый тип рождается, расцветает и через 1500 лет умирает. У каждого свои древность, средневековье и новый период. Таким образом, он проходит жизненный цикл, который можно разделить на четыре периода: 1 – *этнографический* (около 1000 лет); 2 – *государственный* (400 лет), 3 – *творческий или цивилизационный* (100 – 150 лет) и 4 – период *апатии* – это период отчаяния или слепого самодовольства. Культуры плодоносят только один раз в жизни.

2. «*Эволюционный принцип*» диктует превосходство следующего типа над предыдущим. Следующий богаче, ибо усваивает результаты предыдущего. Всего типов в истории было 13: египетский, китайский, древнесемитский, индийский, иранский, новосемитский, греческий, римский, арабский, романо-германский (европейский), перуанский, мексиканский, славянский.

Сравнение этносов. Ценность этносов разная. Одни творческие, другие – «мусорщики истории» (монголы, гунны). Но каждый народ удачлив в иной сфере: древние евреи создали монотеистическую религию, греки – искусство, римляне – право, европейцы – политику и технику, славяне отличаются во всех видах человеческой деятельности, но особенно – в нравственной.

Одаренные в одной сфере, слабы в другой: греки не создали ни монотеистической религии, ни единого государства, римляне бесплодны в философии и искусстве. Славяне заимствовали религию в Византии, науку и технику в Европе, государство у варягов и монголов... Но все еще впереди!

Сравнение этносов на ценностном уровне

Взаимодействие культур как опасность

Он приписывал русскому национальному характеру следующие черты: 1 – «огромный перевес» общественного над индивидуальным; 2 – послушность властям; 3 – непротивление, ненасильственность действий; 4 – уважение к соседям, даже завоеванным (их не лишили свободы, поэтому русские завоевания – не колонии); 5 – готовность к реформам (книга-то появилась в эпоху реформ).

Контакты и особый путь для России. Взаимодействие культур рисуется Н.Я. Данилевскому как опасность. Сталкиваясь, культуры подчиняют друг друга, завоевывают, уничтожают. Самый лучший вид контакта – даннические отношения, ибо тогда культуры не смешиваются. Смешение вредно, ибо чужое часто губительно. Результаты контакта по Н.Я. Данилевскому могут быть таковы: 1 – «прополка» (колониализация), либо 2 – «прививка» (аккультурация) – для России это «европейничанье», ложный путь инициированный Петром, либо же 3 – «удобрение» – плодотворный контакт, когда заимствования носят частный характер и переосмысливаются.

Особый путь России

Словом, Н.Я. Данилевский ратовал за изоляционизм, насаждал ксенофобию. Его цель – во что бы то ни стало предохранить Россию от Западного влияния, сохранить ее самобытность. Это историческая характеристика России, ее традиция, ее особый путь. Россия очень самобытна и отличается от Европы многим:

- Россия не входила в империю Карла Великого;
- в ней не было феодально-аристократической иерархии, рыцарства, религиозных орденов, Реформации и нужды в ней, (мог бы добавить: не было Возрождения);
- не было схоластики, науки опыта, либерализма, городских коммун (а Новгород? Псков?), парламентаризма;
- Россия «непричастна ни европейскому добру, ни европейскому злу». Ее роль не в том, чтобы защищать Европу от кочевников и распространять в Азии европейское влияние, а в том, чтобы построить новую для Европы культуру на православной нравственности.

Историк и философ В. С. Соловьев еще в те времена определил суть концепции Н.Я. Данилевского так: «Множественность самобытных культурно-исторических типов вместо всемирной истории; затем Россия ... как особый культурно-исторический тип, совершенно отличный от Европы, и притом тип высший, самый лучший и полный...» [3]. Н.Я. Данилевский занял ведущее

положение среди славянофилов, книга его стала «библией славянофильства», как прозвал ее критик Н. Н. Страхов.

Взаимонепроницаемые культуры О. Шпенглера

«Закат Европы»
О. Шпенглера как
отражение чувства
конца эпохи

«*Закат Европы*» Освальда Шпенглера. Освальд ШПЕНГЛЕР (*Spengler*), учитель гимназии в Гамбурге, затем свободный литератор в Мюнхене, прожил сравнительно короткую жизнь – 56 лет (1880 – 1936). Он родился много после выхода книги Н.Я. Данилевского, за пять лет до его смерти. Собственная книга О. Шпенглера «Упадок Запада» (в русском переводе известная как «Закат Европы»), написана в 1914 году и напечатана в 1918 – 1922 годы, сразу после войны, через полвека после книги Н.Я. Данилевского. Книга имела сенсационный успех, какой и не снился Н.Я. Данилевскому – за несколько десятилетий вышло 30 изданий, книга переведена на все основные языки.

Европейского читателя поразило чувство конца эпохи, предсказание катастроф (начиная с мировой войны – ведь он писал книгу перед войной) – и они наступили! Предсказание культа силы и сверхчеловека, вождя – и это пришло! Эти предчувствия вроде созвучны фашизму, и у нас часто О. Шпенглера так и толковали, но в 1933 году, за три года до смерти, он отверг предложение Й. Геббельса о сотрудничестве, насмеялся над антисемитскими выходками нацистов и был объявлен «контрреволюционером». Только смерть спасла его от концлагеря.

Исходное для О. Шпенглера – закат цивилизации, кризис, падение. Это для него непреложно, вопрос лишь в том, как объяснить. «Закат Запада – феномен, прежде всего ограниченный в пространстве и времени, как и соответствующий ему закат античности...».

Идейные истоки. О. Шпенглер учился у Л. Фробениуса, а тот был учеником Ф. Ратцеля, автора «Антропогеографии». Линия, ведущая от этих авторов к развитию диффузионизма, оставлена О. Шпенглером без внимания, но вот представление о культуре как особом организме, с делением даже на мужские и женские культуры, и представление о «душе культуры» взяты О. Шпенглером у Л. Фробениуса.

Основная идея о самодостаточности отдельной культуры, о том, что ее нужно воспринимать не всего лишь частью единого исторического процесса, вполне совпадает с идеей Н.Я. Данилевского. У Н.Я. Данилевского также О. Шпенглер мог взять и общее представление о

Идеи о «душе
культуры»
и самодостаточности
отдельных культур

Представления
в духе циклизма

том, что Европейская цивилизация близка к упадку. Н. Я. Шпенглер ни разу не ссылается на Н.Я. Данилевского, хотя известно, что читал его. Кстати, в России схожие по идее работы появлялись и после Н.Я. Данилевского: за четыре года до О. Шпенглера статья Г.А. Ландау «Сумерки Европы», у Н.А. Бердяева – статья «Конец Европы».

Элементы представлений в духе циклизма бродили в немецкой исторической школе второй половины XIX века, например в сочинениях классициста Э. Мейера, который видел в истории Рима те же периоды, что и в истории позднейшей Европы – свой феодализм, свой капитализм. На то же намекал и современник О. Шпенглера великий русский историк и археолог М. Ростовцев, кстати, воспринимавший гибель старой России в революции в контексте конца цивилизации подобно падению Рима.

Философское же осмысление О. Шпенглер получил прежде всего от Ф. Ницше. По Ф. Ницше, жизнь, не сводимая к биологическому существованию, свободна от морали и стремится к риску. «Сверх-человек» будущего у Ф. Ницше возвышается над бытом, у О. Шпенглера он более прозаично реализуется в личностях капитанов индустрии, колониальных администраторов и вождей-повелителей народов. Историческое же познание О. Шпенглер толкует вполне по В. Дильтею – как понимание, вчувствование.

Детерминизм
О. Шпенглера

Методы. О. Шпенглер – детерминист. «Мы имеем не свободу достичь то или это, а свободу делать необходимое или не делать ничего» [4]. Если так, то индивид и его жизнь не должны быть интересны для историка, и даже группы индивидов не должны. Скорее более крупные силы являются настоящим предметом историка. Во Введении к своей книге О. Шпенглер пишет: «...*Существует ли логика истории? Существует ли по ту сторону всего случайного и не поддающегося учету в отдельных событиях некая, так сказать, метафизическая структура исторического человечества, принципиально независимая от повсеместно зримых, популярных духовно-политических строений поверхностного плана?... Не предстают ли общие черты всемирной истории понимающему взору в некоем постоянно возобновляющемся гештальте (образе), позволяющем делать выводы? И если да, то где лежат границы подобных заключений?*»

Человеческая история есть совокупность огромных жизненных путей, для персонификации которых

уже словоупотребление произвольно выводит мыслящие и действующие индивиды высшего порядка, как то: «античность», «китайская культура» или «современная цивилизация» – так можно ли в самой жизни отыскать ступени, которые должны быть пройдены, и притом в порядке, не допускающем исключений?

Имеют ли в этом круге понятия, основополагающие для всего органического – такие как «рождение», «смерть», «юность», «старость», «продолжительность жизни», – некий строгий и никем еще не вскрытый смысл?

Короче, не лежат ли в основе всего исторического общности биографические праформы?» [5].

Как О. Шпенглер строит свою концепцию? Основной метод – морфологическое сравнение культур, ведь ему нужно выявить повторяемость форм.

«Сравнения могли бы быть благом для исторического мышления, так как они обнаруживают органическую структуру истории. Их техника должна была бы оттачиваться под воздействием некоей всеобъемлющей идеи...» «Средство для познания мертвых форм – математический закон. Средство для понимания живых форм – аналогия. Таким образом различаются поляриность и периодичность мира...» [6].

Он и устанавливает такие аналогии.

«Кому известно, что существует глубокая взаимосвязь форм между дифференциальным исчислением и династическим принципом государства эпохи Людовика XIV, между античной государственной формой полиса и евклидовой геометрией, между пространственной перспективой западной масляной живописи и преодолением пространства посредством железных дорог, телефонов и дальноточных орудий, между контрапунктической инструментальной музыкой и хозяйственной системой кредита?» [7].

О. Шпенглер уточняет: Аналогии у естественников – сходства организмов или их частей по функциям (легкие – жабры). Гомологии – сходства по форме и происхождению, родственные (легкие – плавательный пузырь). Гомологичны в истории греческая пластика и европейская музыка, пирамиды и готический собор. Аналогичны дионисии греков и европейская Реформация или Ренессанс, эллинизм и начало XX века, Троянская война и крестовые походы.

Против европоцентризма. Когда с критикой европейской цивилизации выступал Н.Я. Данилевский, это были нападки извне: Н.Я. Данилевский Россию не причислял к Европе. Но когда линию Н.Я. Данилевского

Метод морфологического сравнения культур

Аналогии в истории культур

Критика европоцентризма как кризис собственных основ

продолжил О. Шпенглер, это была, так сказать, самокритика. Было ощущение кризиса собственных основ.

Сам О. Шпенглер без излишней скромности назвал эту смену ориентиров «коперниканской революцией» в исторической науке: история не должна больше вращаться вокруг Европы, как Солнце вокруг Земли.

«Я вижу вместо монотонной картины схематической всемирной истории ... феномен множества могучих культур, расцветающих со стихийной силой на лоне своего родного ландшафта. Каждый из них придает своему материалу – человечеству – собственную форму, обладает собственной идеей, страстями, чувствами, своей собственной жизнью, волей, собственной смертью. Существуют расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, истины, боги, ландшафты подобно тому, как существуют молодые и старые дубы и пинии, ... но не существует стареющего человечества. Существует множество в глубочайшем смысле различных друг от друга скульптур, живописей, математик, физик, каждая со своей строго ограниченной продолжительностью жизни, каждая ... имеет свое собственное цветение и плоды, свой собственный тип роста и смерти.

Эти культуры, организмы высшего порядка, вырастают с возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле» [8].

Культуры «взаимонепроницаемы». Они замкнуты и абсолютно неповторимы. Между ними не бывает преемственности. Известны всего семь мировых культур: египетская, вавилонская, китайская, греко-римская, майя, византийско-арабская. Ныне действует в основном западно-европейская и зарождается русская (считать русскую молодой – это явно под воздействием Н.Я. Данилевского).

Каждая культура проходит одни и те же стадии, и каждая из стадий во всякой культуре «имеет определенную длительность, всегда одну и ту же» [9].

Душа и возрасты культуры. О. Шпенглер проводит жесткую границу между природой и культурой. Для него культура – всецело историческое явление, к которому неприменимы причинный анализ, подведение под закон. Историю и ее феномен культуру невозможно разлагать и измерять. Ее можно только сопереживать и творить. Над нею властвует не закон, а судьба. Культура постигается не разумом, а образной интуицией.

Глубинный исток культуры иррационален. О. Шпенглер выявляет первичное мироощущение каждой культуры, из которого выводятся все ее формы. Импульс

Замкнутость и неповторимость культур

Культура – историческое явление

Глубинный исток культуры иррационален

«Душа культуры»
рождается на фоне
ландшафта

к культурному творчеству рождается из вождения к экспансии. Есть тоска по миру и страх перед миром. Культура – это антитеза жизни.

Коллективная душа народа, «душа культуры» рождается на фоне ландшафта, местной природы. Душа эта выбирает себе «первосимвол», из которого как из эмбриона можно развертываются ее особенности. Для греков это человеческое тело, для арабов – арка, для египтян – дорога, для европейца – бесконечность.

Культура – это не сумма выговоренных идей, не разум, а «повадка», «такт», «ритм». Как о человеке судят не по его словам, а по манере и жестам.

У античных греков, по представлениям О. Шпенглера, «аполлоновская душа», возникшая в горной и пересеченной местности. Прекрасное тело ведет к зрительным образам, телесности идей и богов. Что далеко и не видно, того и нет. Нет астрономии, истории, химии. Нет четвертого измерения. Не интересует индивид, поэтому у скульптур невыразительные лица.

У европейца «фаустовская душа», родившаяся на равнинных просторах Северной Европы. Здесь царит бесконечность, устремление вдаль. Бог здесь невидим, вечен и всесилен. Он – идея. Отсюда вытекают догматизм и религиозная нетерпимость. Здесь же рождаются и социалистические идеи, идеи жизни ради будущего.

Окончательно душа выражает себя не в философии и науке, а в жестких формах – архитектуре, технике. Это «цивилизация».

Цивилизация –
предсмертная стадия
культуры

Цивилизация – это предсмертная стадия культуры. Ее признаки: на смену деревне и небольшому городу, где жизнь нормальна в единстве с природой, приходят мировые столицы, вместо поэзии и ремесел – машины. Высшее творение цивилизации – империализм. Весь мир становится одним огромным городом. Вместо здорового быта – новые кочевники, презирающие крестьянский труд. Вместо любви к родине – космополитизм. Искусство становится массовым и спортивным, пропитанным сенсациями и скандалами. Империализм нередко трансформируется в социализм с уравниловкой и стагнацией производства.

Книга О. Шпенглера
оказалась
своевременной
социально-
исторической
ситуации в Европе

В недалеком будущем грянут войны и востребованная ими власть «сильной личности». Как в Древнем Риме. Это Закат Европы.

Резюме. Отчего же не Н.Я. Данилевский, а именно О. Шпенглер вошел в историю исторических и антропологических учений как провозвестник этой концепции эквивалентных культур?

Некоторые сочли, что это потому, что Н.Я. Данилевский ставил все на службу решению более узкого и локального вопроса – почему Европа ненавидит Россию. Другие видели причину в красочности стиля О. Шпенглера. Мне кажется, дело в том, что книга О. Шпенглера вышла на одном из наиболее читаемых языков и очень вовремя – сразу после Первой мировой войны. Для Германии и Австро-Венгрии результат войны был и в самом деле катастрофой. Выступление против европоцентризма в XIX веке было лишь призывом, а в XX оно стало реальностью распадающихся колониальных империй (Германия и Австро-Венгрия были лишь первыми).

Поэтому книгу О. Шпенглера многие восприняли как крик боли, как вопли агонии. Сам он в статье «Пессимизм ли это?» высказывался так: «Мою книгу до сих пор почти никто не понял». Он не возвещал общую гибель, он лишь констатировал победу цивилизации над культурой (и социализм, и империализм – это цивилизация, а не культура) и считал это преддверием конца. Но не человечества. После гибели предстоит новый расцвет, но в других расах и культурах. Не исключалось, что в России.

Евразийская этнология

Зарождение
евразийства как
идейного движения

Евразийцы. Окончание Гражданской войны в России и поражение белых побудило многих эмигрантов к переосмыслению произошедшего. Красные в этой схватке победили не только белые силы, но и Европу – значит, белые не поняли природу и состояние своего народа. Надо пересмотреть основы стратегии. В 1921 в Софии, болгарской столице, вышла книга 31-летнего лингвиста князя Н. С. Трубецкого «Европа и человечество». Вокруг автора объединились другие эмигранты-интеллектуалы, ревизовавшие белую мысль: историки Г.В. Вернадский и (позже) Л. П. Карсавин, богослов Г. В. Флоровский, географ Л. Н. Савицкий, филолог Д. П. Святополк-Мирский. В 1921 году вышел их сборник «Исход к Востоку» с подзаголовком: «Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Потом появились другие сборники и даже журнал «Евразийский временник».

Россия как сплав
Запада и Востока

Революцию и Гражданскую войну они поставили в цепь аналогичных явлений в истории русского народа (Смута, восстание Степана Разина, пугачевщина) и сравнили победу большевиков, внедривших чуждое России западное учение (марксизм), с преобразованиями Петра. Россию они отказывались рассматривать в основе как

чисто европейское государство. Один из эмигрантских писателей назвал их «славянофилами эпохи футуризма». Разумеется, они не могли отнести Россию – христианское государство – к азиатской цивилизации, но подчеркивали ее отличие от остальной Европы. В противоположность Н.Я. Данилевскому, это отличие они видели не столько в событиях русской истории (то есть не в иных течениях, иных воздействиях), сколько в составе русского народа, в его природе и культуре. Россия для этих мыслителей не относится ни к Западу (Европе), ни к Востоку (Азии), а является сплавом Запада и Востока – евразийской страной. Отсюда и название этого направления мысли – *евразийцы*. В их видении, Евразия не совпадает с обширным континентом, условно делимым на Европу и Азию. Еще А. Гумбольдт опознал эту главную часть Старого Света как единый континент. Но для евразийцев не этот континент заслуживает такое название, а Россия – это и есть Евразия. Не будучи ни Европой ни Азией, она расположена между ними и занимает главную часть этого континента, а Европа и зарубежная Азия – это его периферийные закоулки.

Г.В. Флоровский, вскоре отошедший от этого движения, понял, что за видимым выбором третьего пути между европейской цивилизацией и азиатчиной кроется все-таки предпочтение азиатской деспотии: у евразийцев «всегда есть пафос отворачивания к Европе и крен в Азию» [10].

Ход мысли евразийцев таков. Находясь на крайнем Востоке Европы, на стыке с Азией, восточные славяне впитывали разнообразные культурные воздействия азиатов, ассимилировали в состав русского народа множество тюркских и финно-угорских племен (половцы, меря, мещера, весь, чудь и т.д.), пережили татарское иго, а затем включили в свой состав и ряд обрусевших татар, причем и в свое дворянство. Естественные объединители Евразии – степняки. Татарское иго было благом для России – спасло ее от порабощения католичеством. Но Россия перехватила инициативу. Как писал П.Н. Савицкий, «Россия – наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии» [11]. Еще в Византии православие сформировалось не без влияния восточных религий (в частности, персидских) и пышной восточной государственности – самодержавия. В России оно стало основой народного самосознания. Петр I развалил это многовековое здание и внес сумятицу. В конечном счете этот отказ от старых устоев и привел к народным бунтам и победе большевиз-

Россия – «объединительница Азии»

Вера в нравственное преобразование большевистского государства

ма. Азиатчина в России усилилась: революция уничтожила верхние европеизированные слои российского общества и вынесла наверх необразованные низы с азиатскими традициями. Они теперь правят.

Что же можно делать в этих условиях? Планы бороться с силами и, вторгшись с Запада, победить укрепившихся большевиков безнадежны. Делать ставку на немедленное насильственное восстановление монархии глупо. Зато можно обратить внимание на подспудные тенденции большевистского государства к освоению старых целей России – к построению крепкой государственности, к распространению грамотности и культуры, к установлению дипломатических отношений с Западом. Нужно длительной просветительной работой сеять православие, христианские гуманные идеи среди русского населения и, опираясь на наличные тенденции, нравственно преобразовать большевистское государство, добиться его перерождения. Идея эта не казалась им утопией, так как издавна они не видели всепроникающей организованности большевистской системы. Они все больше поддерживали те действия большевиков, которые им представлялись шагами в направлении реставрации. Это казалось тем более оправданным, что такие шаги действительно делались, только реставрировались не гуманные традиции (христианская философия, филантропия, реальное представительское управление и т. п.), реставрировалась и усугублялась военно-феодалная сущность старого режима (крепостное право, сословность, мощная карательная система).

Впрочем, и сами евразийцы, идеализируя кровавых татарских властителей Чингизхана и Тамерлана, готовы были ради укрепления государственности на любую диктатуру. За полтора десятилетия своего развития евроазиатское течение переросло из христианского утопизма в прислужничество большевистской дипломатии. Кое-кто из них прямо стал агентом советских спецслужб (как муж М. Цветаевой С. Эфрон, который по их заданию осуществлял покушения на лидеров эмиграции, потом вернулся в Россию и был расстрелян при чистке НКВД), другие просто приняли советский режим и тоже вернулись в Россию. Там П.Д. Святополк-Мирский и Л.П. Карсавин погибли в лагерях, а П.Н. Савицкий выжил и был после смерти И. Сталина отпущен в Чехословакию.

Этнология Н.С. Трубецкого. Князь Николай Сергеевич ТРУБЕЦКОЙ (1890 – 1938) из старинного дворянского рода, с 13 лет посещал заседания музея антрополо-

От исторических предпочтений до поддержки тирании большевизма

Историческая этнология Н.С. Трубецкого

гии и этнографии в Московском университете, с 14 лет сам занимался научными исследованиями. Он учился у знаменитых ученых источниковеда А.А. Шахматова и фольклориста Вс. Миллера. Был своим человеком в этнографии – переписывался с В.Г. Богоразом, Л.Я. Штернбергом, В.И. Йохельсоном. Наряду с Р. Якобсоном он является создателем основ фонологии. В эмиграции он опубликовал книгу «Европа и человечество» (София, 1920, русск. изд. «Наследие Чингисхана» 1999). В сборнике «Исход к Востоку» помещена его статья «Верхи и низы русской культуры» (1921). В пятой книге «Евразийского временника» (Париж 1927) опубликовано его исследование «О туранских элементах в русской культуре».

«О туранских элементах в русской культуре»

Туранскими народами Н.С. Трубецкой именовал финно-угров, тюрков, сибирские народы. Особенно интенсивно он изучал тюрков. Из анализа языка, музыки и поэзии тюрков Н.С. Трубецкой выводил их психологию, в которой он отмечал любовь к покою и симметрии, к отсутствию напряженности. Он констатировал, что соединение тюрков с семитами (например, в усвоении ими мусульманской религии, а хазарами – иудейской) дает им то, чего их культуре не хватает, – активность, инициативность, любовь к разрешению напряженных ситуаций. Тюрки и финно-угры вообще склонны к заимствованиям. Все эти черты тюрков и финно-угров Н.С. Трубецкой видит в русском народе, особенно в их простонародных слоях, где туранский субстрат (традиции финно-угров и тюрков) особенно силен. Отсюда и успешное внедрение в русскую среду христианской (иудейской по происхождению) религиозной традиции. Отсюда можно вывести и объяснение того, почему евреи прижились в русской среде и вошли активно в русскую интеллигенцию, как и активное участие евреев в русской революции.

Своеобразие этнологии Н.С. Трубецкого

Н.С. Трубецкой не замечал, что аналогично можно объяснить и необходимость в России немцев, приглашавшихся Петром I и Екатериной II, не говоря уж о призвании варягов и немецкой природе династии Романовых, а это означало бы необходимость европеизации, чему евразийцы хотели противостоять. Этнология Н.С. Трубецкого разделяла идею двух этнических слоев в одном народе (пассивного и активного) с А. де Булэнвилем и Ж.А. Гобино, но без нажима на расовые различия. Она лежала также в русле этнопсихологических исследований (М. Лацарус и Х. Штейнталь, В. Вундт) и предвосхищала исследование национального характера пер-

соналистов (М. Мид, Дж. Горера, Р. Бенедикт). Разделяя все эти идеи, она разделяла и многие их слабости. Нет столь четкой связи между структурами языка и психологией – при ассимиляции язык усваивается, а психология нет. Единая психология всего народа очень сомнительна. Фонология Н.С. Трубецкого гораздо более плодотворна, чем его этнология. Однако и его этнологические работы чрезвычайно увлекательны.

Эоны В. Шубарта

«Европа и душа Востока»
В. Шубарта как продолжение идей Н.Я. Данилевского

«Европа и душа Востока» В. Шубарта. В Швейцарии в год начала Второй мировой войны, в 1939, вышла книга *Вальтера Шубарта (Schubart)* «Европа и душа Востока». В. Шубарт был прибалтийский немец, женатый на русской и влюбленный в Россию. Книга его развивает Н.Я. Данилевского, добавляя элементы географического детерминизма.

По В. Шубарту, Запад, Европа «погрязли в вещности», а Россия призвана вернуть европейцам душу. Культура – это не механизм, не организм, а духовное явление, «сверхличность». Определяющей силой в истории является не «дух крови», а «дух ландшафта» («силы земли»). Из духа ландшафта вырастает народная душа. На равнинах образуется потерянная, стремление ввысь. В горах – замкнутость, себялюбие.

«Эон» – жизненный век, эпоха со смысловой доминантой

Ключевым понятием В. Шубарта является «эон» – жизненный век, эпоха со смысловой доминантой. Уже древние персы и иудеи выделяли четыре возраста мира, И.В. Гете отмечал в истории систолы и диастолы, как в пульсе.

В. Шубарт намечает четыре зона, в каждом свой идеальный тип человека: 1 – гармонического человека (гомеровские греки); 2 – героического человека (Рим, Европа XVIII – XIX веков, в Европе в это время появляется «прометеевский человек». Образец – Наполеон); 3 – аскетического человека (буддисты); 4) мессианского человека (первые христиане, большинство славян, это «иоаннический человек» – от Иоанна-Евангелиста, образец – Александр I).

Апокалипсис как смена эонов

Все эпохи равны перед Богом. Цель истории не в отдаленном будущем, а в каждом данном моменте. Особенно в моменты смены эпох – тогда наступает Апокалипсис, «конец времен». На самом деле это лишь смена эонов, смена прототипов.

Таков XX век. Представителями прометеевского человека являются сейчас англо-саксы, немцы и евреи. Иоанновские люди – славяне. Европе надо привить вос-

точную культуру. Русский мессианиззм еще не окончательно созрел, еще много сохранилось отрицательных черт (слава Богу, хоть это признает). Надо подождать еще лет 500.

В науке эта книга почти неизвестна, но в гитлеровской Германии переиздавалась подпольно. Стало быть, какой-то смысл у нее был.

Арнольд Тойнби: роль элиты в цивилизациях

Биография
А. Тойнби

Биография. Арнольд Тойнби (Toynbee, 1889 – 1975) родился в интеллигентной английской семье. Его дед был известным врачом, дядя (Арнольд Тойнби-Старший) – известный экономист реформаторского направления, отец подвизался в коммерции. Сам А. Тойнби в своей автобиографии писал: «По стандартам среднего класса мои родители были бедными, но все же они держали в семье кухарку и горничную (с полной занятостью), а когда я родился, наняли для меня и няню».

Поиск утешения
в идее автономных
локальных
цивилизаций

В Оксфорде наш А. Тойнби изучал античную историю, где, как я уже говорил, были сильны тяготения к циклизму. Его учитель, профессор В. Циммерман, показал ему несколько параллелей между классическим миром и современным миром. Первая мировая война застала А. Тойнби работником Министерства иностранных дел. Он присутствовал на Парижской мирной конференции и встречал там интересных людей, включая полковника Т.Э. Лоуренса Аравийского. Итоги войны привели А. Тойнби к пессимистическим выводам: достигнуто совсем не то, чего ожидали в начале, рухнула несколько империй, часть планеты – в огне революций. Должен же быть какой-то островок благоденствия! Есть ли какой-то смысл в истории? А. Тойнби искал утешения в идее автономных локальных цивилизаций и связи, преемственности между ними.

С 1919 по 1924 год А. Тойнби – профессор Лондонского университета (по специальности: византийские и греческие исследования). С 1924 по 1956 год он директор исследований в Чаттам Хаус и одновременно корреспондент «Манчестер Гардиан», где он делает ежегодные обзоры международных отношений. (Сначала он делал их вместе со своей первой женой, а после их развода – со своей второй женой.) На основе этих размышлений, продуманной в них теории и практического здравого смысла опытного политика он стал писать огромный труд «Исследование истории» (*A Study of History*). За более, чем четверть века, с 1934 по 1961 год, вышло 12 томов. Существует ряд сокращенных изданий – в

Изучение истории
через
соприкосновение
с ней

одном томе («*Abridgement*», русск. перев. «Постижение истории» 1991, 1996). Потом он написал автобиографические книги «Опыт» (*Experiences*) и «Знакомства» (*Acquaintances*).

В его биографии есть момент, много критикуемый: в 1936 году он принял приглашение от нацистской Германии прочесть лекцию перед нацистской ученой аудиторией. Он встретился с А. Гитлером и слушал его доклад. Наблюдая фюрера, А. Тойнби заметил: «У него были очень красивые руки» [12]. А. Тойнби возражал своим критикам, что если уж его целью было изучать нацистов, то «Как я мог бы изучать их не встречаясь с ними?». Он всего лишь следовал примеру своего премьер-министра Н. Чемберлена...

Он присутствовал и на Второй парижской конференции – после Второй мировой войны. История для него была наглядно повторяющейся.

Исходные
либерально-
религиозные идеи

Исходные идеи. У А. Тойнби были некоторые исходные либерально-религиозные идеи и представления, которых он придерживался – как ориентиров. Он считал все цивилизации и религии равноправными. Он исходил из некоторого универсального чувства гуманитарной нравственности. Он хотел также соединить солидную научность с идеей Божьего промысла. Признание законов истории с идеей свободного творчества.

Из писаний К.Г. Юнга он взял идею об «архетипах», образцах коллективного бессознательного, определяющих действия больших человеческих масс. Длительность больших исторических периодов, по его мнению, обусловлена устойчивостью этих архетипов. Например, архетип национального государства стал идолом современного человека и определяет борьбу наций. Еще более глубокие архетипы – религий и на их основе – цивилизаций.

Цивилизация как
основное понятие

Цивилизации – основное понятие А. Тойнби. Это примерно то же, что у других – культура. Каждая имеет свой жизненный цикл:

Жизненный цикл цивилизации

1 – рождение, генезис – это первые полторы тысячи лет существования;

2 – рост, «порыв» – еще тысяча лет; где-то тут наступает расцвет;

3 – время волнений и беспорядков, надлом (*breakdown*), когда «вера в судьбу» очень важна, – тоже около тысячи лет; это внутренний кризис цивилизации, а варварские вторжения являются лишь дополнительной силой, чтобы полностью разрушить падающего гиганта;

4 – универсальные состояния – достигаются как следствия волнений и как благо, но это приводит историю в тупик: все окаменело; такое состояние может продолжаться веками;

5 – *interregnum*, конец, разложение, дезинтеграция – может затянуться на два тысячелетия.

Выделение отдельных цивилизаций в истории

Всего в истории отмечена 21 цивилизация, так что все это повторяется 21 раз (впоследствии А. Тойнби увеличил число цивилизаций до 28 – 13 независимых и 15 сателлитных). Каждый том или два в большом труде Тойнби посвящены одной стадии роста, прослеживаемой повсюду, как обобщение всех цивилизаций. Длительность (число лет) указана очень приблизительно. Идея О. Шпенглера, что каждая цивилизация имеет predetermined длительность, кажется А. Тойнби глупой идеей.

Мутации как механизм изменения и смены цивилизаций

Механизм изменения и смены цивилизаций, по А. Тойнби, любопытен: ни расовый тип, ни среда, ни экономический фактор не действуют. Значение имеют лишь мутации, происходящие от комбинаций случайных причин. Предсказать мутацию столь же трудно, как результат карточной игры.

Однако, получается, что действуют эти причины в какой-то мере через среду, природную или этническую. Их воздействие реализуется как стихийные бедствия, засухи, заболачивание, или нашествия. Оно воспринимается как «вызов», на который цивилизация должна дать «ответ» (*challenge and response*).

Роль элиты в развитии цивилизаций

Некоторые общества выделяют из своей среды «творческое меньшинство», которое осознает вызов среды и дает ответ. Они образуют «элиту». Горстка энтузиастов-пророков, жрецов, философов, политиков увлекает за собой косную массу. Так происходят переходы к новому хозяйствованию, ирригация, формирование мощных структур власти. Пассивное инертное большинство – это «пролетариат».

Во время написания тома VII (он был опубликован в 1954 году) А. Тойнби проделал внезапный поворот в своих взглядах. Он заявил своему читателю, что понятие цивилизации оказалось неадекватным и не может служить вразумительной ячейкой в истории. Он полагал ранее, что в соотношениях церкви и цивилизаций цивилизации были первичны, а роль церкви вторична. «Ныне коль скоро наши операции в этом ключе оказались бесплодными, давайте попытаемся перевернуть нашу точку зрения». Церкви должны оказаться в главной роли.

Выделение трех видов цивилизаций

Что предпринимает элита, чтобы преодолеть кризис? Есть несколько возможных ответов: 1 – архаизм – вернуться к прошлому; 2 – футуризм – «отсечение корней», насильственная реформация; 3 – «бегство от действительности» – буддизм, самоубийство; 4 – трансфигурация, то есть духовная перестройка, формирование новой, высшей религии. Этот способ А. Тойнби считает единственно эффективным.

Хронологически можно различить среди цивилизаций три вида, последовательно сменяющих друг друга, так сказать, три уровня, три поколения цивилизаций.

1. Примитивные малые бесписьменные культуры, вписанные в окружающую среду и приспособленные к ней очень односторонне. Без больших надстроек – государства, церкви и т. д. Их культура строится на «мимезисе» – подражании умершим предкам. Господствует обычай, инновации затруднены. На вызов они неспособны дать адекватный ответ, но некоторые все же дают. Образуют дочерние цивилизации.

2. Динамичные цивилизации, создающие большие города – Вавилон, Рим. Здесь есть ремесла, торговля и рынок. Есть статусы и ранги. Сюда относятся четыре очага: египетско-шумерский, минойский, китайский и южно-американский. Мимезис тут направлен на творческих личностей, пионеров. Эти цивилизации обычно порождают следующее поколение.

3. Формируемые на основе церквей, созданных предшествующими цивилизациями. Из минойской вырастает эллинская, в ее недрах – христианская западно-европейская. К XX веку цивилизаций этого уровня набралось семь-восемь: христианская, исламская, индуистская, и др.

О судьбе Западной цивилизации

Подобно О. Шпенглеру А. Тойнби озабочен судьбой Западной цивилизации. Как Германия в XX веке, Запад – это агрессивный монстр. Посмотрите на русский пример: в 1610 году Россия подверглась нашествию поляков, в 1709 году – шведов, в 1812 году – французов (со включением сателлитов со всей Европы), в 1915 году германской армии, затем англо-американской интервенции, а в 1941 году гитлеровской Германии. Но А. Тойнби отвергает шпенглеровский фатализм.

А. Тойнби не соглашался с идеей О. Шпенглера, что гибель европейской цивилизации неизбежна. Гибель вероятна, но не фатально неизбежна в каждый конкретный момент. К ней могут привести эгоизм правящих элит, леность и консерватизм масс. Преодолеть их могут авторитет ученых и влияние церкви. Если у О. Шпенг-

лера звучат чересчур субъективно и явно необедительно окостенение цивилизации и превращение власти в военно-бюрократическую машину – демократические режимы показали свою устойчивость, то у А. Тойнби столь же субъективны и необедительны оцерквление власти и божественное одухотворение масс.

Критики А. Тойнби Колоссальная эрудиция А. Тойнби и огромный размер его труда, а также его смелая попытка рассмотреть всю историю в единстве произвели впечатление на публику. Он стал громадным авторитетом.

К. Поппер Но у него были и весьма авторитетные критики. Первым был *Карл Поппер (Popper)*, выдающийся философ. В своей известной книге «Открытое общество и его враги» (1945) он обвинил А. Тойнби в иррационализме и мистицизме. Стараясь достичь Универсального, А. Тойнби предложил идею, что Бог открывает себя в истории, а эта идея есть просто богохульство [13]. Для К. Поппера «нет истории человечества, есть только бесконечное число историй всякого рода и аспектов человеческой жизни» [14].

П. Гейль Вторым знаменитым критиком А. Тойнби был *Питер Гейль (Geyl)*, выдающийся голландский историк. В своей книге «Дебаты с историками» (1955) он писал, что исповедуемый А. Тойнби эмпирический метод обманчив. А. Тойнби «избирает те материалы, которые должны поддержать его тезис или он устраняет их так, чтобы это ему было удобно» [15]. Ему не хватает понимания национальных государств, а его неприязнь к национализму ошибочна. Он недооценивает значения естественной науки. «Западная цивилизация для него ничто» [16], а его прокламация, что наше спасение может быть куплено только ценой «возвращения к христианской религии» – это «формулировка смерти» [17]. П. Гейль заключает: А. Тойнби не историк, он скорее пророк.

Х. Ортега-и-Гассет Третий критик не менее знаменит. Это *Хосе Ортега-и-Гассет (Ortega y Gasset)*, американский философ. В своей книге «Интерпретация всеобщей истории» [18], полностью посвященной изложению и рассмотрению Тойнби, философ пишет, что название труда А. Тойнби вводит в заблуждение. Это не исследование истории, а философия истории [19]. Но в философии А. Тойнби – «человек чарующего и паразитического неведения» [20]. Он втянулся в гипотезы, он не работает эмпирическим методом [21]. Он не «человек рассудка, науки, истории», а человек, который верует в «странную мистику об истории» [22].

Были и другие критики. Особенное сопротивление вызывало упование А. Тойнби на церковь. В перспективе ему грезились религиозное сообщество огромного масштаба (типа того, которое уже есть в виде всемирных научных школ – Большой науки). Очень удивительно знать, что все это предложено человеком, который лично, как он сам говорил, считал себя «экс-христианином», «бывшим верующим», «агностиком». «Вселенская церковь» и «вселенское государство». Нечто в духе последнего ныне вырастает в виде Объединенных наций, а второе не получается, поскольку религия вообще теряет влияние в мире, уступая науке.

Критика имела резон и принесла результаты. «Кто ныне читает Тойнби?» – риторически спрашивает современный автор [23]. Но А. Тойнби остается столпом историографии. Он понимал это и даже прозревал значение своего труда в рамках вечности. К своему автобиографическому «Опыту» он присоединил «Посмертное добавление», где написал: «Я вовлечен в будущее человечества, каким бы это будущее ни оказалось, и я также вовлечен в то, что случится со Вселенной после того, как человечество вымрет, полагая, что вымирание есть конечная судьба человечества». Агностицизм или нет, но эта величественная позиция очень близка к позиции Бога.

Идеалистический циклизм Питирима Сорокина

Биография
П.А. Сорокина

Биография. *Питирим Аркадьевич Сорокин* – ровесник А. Тойнби (1889 – 1968), но совершенно другого происхождения. Он родился в деревне Турья Вологодской губернии среди коми-зырян. Мать, из коми, работала в поле, отец был русским мастером по ремонту церковной утвари. Пьяный, ударил сына молотком, тот ушел из дому. Скитался, реставрировал иконы, пел в церковном хоре. Между тем, окончил церковно-приходское училище, где утратил свои верования в церковные догмы (хотя и сохранил некоторую религиозную нравственность) и стал революционером. Первая русская революция происходила вокруг него. Юношей 18 лет он был арестован в первый раз, продолжив свое обучение, как говорится, в тюремных университетах. После подавления революции поступил в Санкт-Петербургский университет, где учился на юридическом факультете. Одновременно обучался в психоневрологическом институте, а также слушал лекции этнолога Максима Ковалевского и стал его секретарем.

В студенческие годы снова увлекся революционной деятельностью, вступил в партию эсеров и снова сидел в

тюрьме за агитацию. Тем не менее оказался внештатным преподавателем Университета – приват-доцентом. Его друзья теперь – И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, Л.И. Петражицкий – все это видные ученые.

Февральская революция сделала его секретарем Временного правительства по проблемам науки и редактором газеты «Дело Народа». Тогда, в 1917 году, появилась его брошюра «О свободах. Неотъемлемые права человека и гражданина» – это была одна из первых в России деклараций демократии (далекая предвестница правозащитного движения).

Октябрьская революция означала для П.А. Сорокина арест ЧК и приговор к расстрелу. Но по ходатайству Л.М. Карахана и Л.Л. Пятакова (все-таки видный ученый, к тому же человек из народа) приговор был отменен и П.А. Сорокину дали преподавать снова в Университете. В 1922 году на знаменитом «философском пароходе» он был выслан из страны как вредный для революции мыслитель. А через полтора десятилетия были ликвидированы и Л.М. Карахан и Л.Л. Пятаков.

П.А. Сорокин оказался сначала в Праге, затем в США. Он быстро продвинулся в социологии. В 1930 году он стал первым деканом новосозданного социологического факультета в Гарвардском университете, где и проработал 30 лет. Он пригласил молодого Талкотта Парсонса преподавать на новом факультете, а тот стал его жестким оппонентом. П.А. Сорокин читал лекции со страстью и в запале ломал один кусок мела за другим. В его классе висело три черных доски, все три оказывались покрыты иероглифами, а в воздухе висели облака меловой пыли. Других социологов он тут же критиковал. Один из его прежних студентов вспоминает, как он швырнул на стол книжку коллеги-социолога со словами: «Вот работа моего друга Ландсберга на тему, в которой он, к сожалению, ничего не понимает. Он явно нездоров. Он не рожден для такой работы».

У него выросла плеяда учеников (среди них Роберт Мертон). 40 томов его сочинений стали считаться классикой науки, а его учебники – образцовыми. Но он не создал школы. Он был слишком оригинальным мыслителем и, возможно, в нем было слишком много от религиозного пророка. Вообще он был чересчур странной и оригинальной личностью, чтобы привлекать молодых ученых своими идеями и принципами.

Однако ему принадлежит идея создания ООН. Он разработал программу «конвергенции» США и СССР. Это было ближе к концу его жизни, но еще в 1917 году

он в России опубликовал брошюру «Вечный мир и всемирное единство человечества». В отличие от Ленинского призыва ко всеобщему миру, вызванного текущими задачами большевистской политики, для П.А. Сорокина это было искреннее убеждение. Наконец, он же создал Центр изучения творческого альтруизма с задачами перевоспитания человечества.

Наиболее известные его труды – «Социология революций» (1925), «Социальная мобильность» (1927) и «Современные социологические теории» (1928). В последнем он рассмотрел социологические теории своих оппонентов. Стишок того времени гласил:

*«There once was a prof named Sorokin –
Who kept on a-knockin' and pockin'
At the isms and fads,
Of the socio-dads,
And now we know they were jokin'» [24].*

(Прозаический перевод:

*«Был некогда проф по имени Сорокин,
Который продолжал ошеломлять и разбрасывать
По-измам и модам,
Отцов социологии,
И теперь мы знаем, что все они шутили»).*

Наиболее примечательными работами П.А. Сорокина Гарвардского периода являлись «Социальные философии в век кризиса» (1950) и его главный труд «Социальная и культурная динамика» (1962). На создание этого *opus magnum*, он получил от Университета 10 тысяч долларов, сумму фантастическую для того времени. Этот труд вышел за 6 лет до его смерти. Он умер в год Пражской весны и университетских бунтов – 1968.

Сам он описывает свою жизнь в автобиографических «Листьях из русского дневника» (Leaves from a Russian Diary, 1924) и «Долгом путешествии» (A Long Journey, 1963).

Культура как система ценностей. П.А. Сорокин признавал близость своего мышления с теорией Н.Я. Данилевского – О. Шпенглера – А. Тойнби, но критиковал понятие цивилизаций. Ему он противопоставил свое понятие культурных суперсистем. В отличие от предшественников и многих современников П.А. Сорокин отверг органицизм. Культура не подобна организму. Она – явление особого рода, более сложное и не детерминированное ни биологией, ни экономикой. Культура – это система значений, ценностей, с помощью которых общество интегрируется, поддерживает связь своих институтов. Социология есть для П.А. Сорокина

Критика своих
оппонентов
в социологии

Понимание
культуры как
системы значений
и ценностей

Эмиграция
П.А. Сорокина

Социальные идеи
П.А. Сорокина
на практике

изучение социальных ценностей, а это подвигает его социологию близко к культурной антропологии.

Упорядоченность мира
Мир для П.А. Сорокина упорядочен. Есть некий мировой Логос, духовный Абсолют, организующий единство трех миров: 1 – вещей, 2 – субъективного человеческого мира, 3 – трансубъективного мира человеческих ценностей. Как у Э. Дюркгейма, эти ценности коллективные, как у А.Л. Кребера, они суперорганические.

Смыслодержающие связи культуры
Системообразующими для культуры являются не пространственная близость или функции, а смыслодержающие связи: математические уравнения, силогизмы, юридические нормы. Каждая отрасль культуры – особый тип смысловых связей. Производные от них системы – технология, экономика, политика.

Общество состоит из социальных групп, институтов и индивидов, интегрированных посредством систем ценностей. В сознании людей социальные ценности – это верования, нормы, долг. Они и создают социум. Они обеспечивают согласованность ориентаций, предсказуемость поведения.

Не индивидуальные потребности объединяют людей, а оценка этих потребностей. Ценности определяют ориентиры и стратегию общества. Для одних это материальные блага, для других – духовные достижения, и т. д.

Таким образом, культура – не механизм или организм, она может быть уподоблена собору или симфонии, где материя звука или камня организована с помощью «символов», ценностей.

Типология культур на основе систем ценностей
Типы культур и флуктуация стилей. По П.А. Сорокину, есть три главные системы ценностей: 1 – *идеационная* – интуиция, откровение; 2 – *сензитивная* – чувственная; 3 – *идеалистическая* – разумные идеалы. Им соответствуют три типа культуры:

1. *Идеационный.* Этот тип осознает реальность как нечто трансцендентное чувственному миру, иррациональное. Все, что человек слышит и видит, несущественно, случайно. Он не доверяет разуму, следуя Тертуллиану.

В этом типе культуры превосходство мистического над рассудком. Любовь и духовность побеждают жестокость и несправедливость реального мира. Человек думает не о реорганизации, а о конце мира.

Образец – средневековая культура IX – XI вв. Церковь ведет общество. Лики святых изображаются с нарушением естественных пропорций, ибо главное правильно отобразить духовность! Идеальная фигура – аскет-отшельник.

2. *Сензитивный.* В этом типе господствуют чувства и рассудок. Люди стремятся к комфорту, уюту, лично-му счастью. Социальным институтам требуется земное обоснование, апеллируют к «природному, естественному человеку». Господствуют девизы «естественное право», «общественный договор», «разумный эгоизм». Характеризуют эту культуру реализм в живописи, натюрморт, портрет, жанр. Эта культура в Европе начинается с Возрождения.

3. *Идеалистический.* Людям этой культуры действительность предстает как особо отмеченные фрагменты, «светлые включения». Человек обращается к идеально разумному миропорядку. Искусство изображает положительных личностей, реальных исторических деятелей, избегая «низменных тем» – болезней, нищих и т. п. Акцентируется долг. Пример: «золотой век Перикла» в Афинах, позднее средневековье XII – XIV вв., но с таким же успехом П.А. Сорокин мог бы привести и более карикатурные примеры – социалистический реализм, нацистское искусство «арийского духа».

Эти три типа культуры существуют не в чистом виде, а с господством одного из трех «стилей». Эти три стиля чередуются с неотвратимостью оледенений. То есть образуют цикл. Это иллюстрируется у П.А. Сорокина графиками и кривыми по столетиям – ведь он же руководит социологами. Индикаторами стиля у него служат: скажем, для *сензитивного* – число философов-материалистов и сенсуалистов, художников-реалистов, ученых естествоиспытателей; для *идеалистического* – число философов-идеалистов, представителей абстрактного и символического искусства, святых.

Разные формы культуры (из совершенно разных систем) подводятся под один стиль – как у А.Л. Кребера или О. Шпенглера: например, симфонии Л. ван Бетховена сопоставляются с философией Ф. Бэкона и капитализмом. Они типологически идентичны.

Флуктуация стилей

Но почему происходят флуктуации? Культуры сменяют одна другую потому, что каждая неполна. В начальной фазе она охватывает небольшую часть общества, энергична и характеризуется экспансией. Все великие религии и нравственные системы в основе цивилизаций возникают в результате возбуждения в сравнительно небольшой группе людей порывов любви и творческого энтузиазма.

Затем культура теряет запас сил, становится вялой. Проводится оценка влияния исторических деятелей по 12-бальной шкале. Вроде бы объективный анализ,

но критерии для числовой оценки не даны. Субъективность видна невооруженным глазом: Платон, святой Августин и Вл. Соловьев получили у П.А. Сорокина 12 баллов, И.В. Гете, Г.В.Ф. Гегель и К. Маркс – только по восемь, а Лукреций, К.А. Гельвеций и Х. Гольбах – по два. Наконец, вялая и ослабевшая культура отторгается...

Критика П.А.
Сорокина коллегами

То есть тут П.А. Сорокин сбивается на витализм и уподобление культуры все-таки организму. Это уподобление лежит, видимо, в самой природе циклической концепции.

П.А. Сорокин в рецензиях. Таково было название книги, выпущенной в 1963 году. Ряд ученых рецензировал жизненный труд П.А. Сорокина, и он отвечал на критические комментарии. Р. Мертон и А. Тойнби были среди рецензентов.

А. Тойнби, чьи взгляды были близки сорокинским, тем не менее не соглашался с ним по ряду пунктов, в частности с его точными подсчетами. Тойнби рассматривает, как П.А. Сорокин «ударяется в области, которые в глазах профессиональных статистиков были и еще являются непроходимой дикостью». Например, сорокинские табл. 29 в томе II: «Указатели флуктуации влияния этических систем и ментальности по 20-летним периодам 580 до н. э. – 1920 н. э.». Упоминаются и другие сорокинские таблицы – «Геометрические средние творческих популяций» основанные на «всех именах исторических личностей, упоминаемых в Encyclopaedia Britannica».

Такие колоссальные ряды таблиц, писал А. Тойнби, «заставят у традиционных ученых глаза вылезти на лоб, а у традиционных статистиков волосы поставят дыбом. Что за место выбираться за примерами! И потом, что за способ отбора! Между тем, сорокинские тюремные друзья могут помирать от смеха и ворковать от наслаждения, ибо они-то поймут, что произошло и что должно последовать. Что произошло – это что Сорокин перехватил инициативу. Что должно последовать – это что иски разъяренных им специалистов взорвутся в областях, на которые они, пожалуй, никогда бы не вступали, разве что преследуя еретика по горячим следам. Утомительными трудами они возможно разнесут в клочья не менее 90 процентов Сорокинских открытий. Но П.А. Сорокин выйдет стратегически победоносным из любого количества тактических поражений».

Это потому, что он расширил горизонт науки и увеличил наше понимание.

«Манеры делают человека»

А. Тойнби знает сорокинский способ поступать с его критиками, и наперед предупреждает его, напоминая старую поговорку: «Манеры делают человека» [25].

Р.К. Мертон со своим соавтором Б. Барбером ставит перед П.А. Сорокиным ряд ехидных вопросов о его осуждении сензитивной культуры: «Какие критерии истины он применяет к своей собственной работе? Является ли он упорным релятивистом, считающим научную истину всего лишь делом удовлетворения разных критериев, которые получаются для каждого частного типа культуры? Рассматривает ли он каждую систему истины столь же неотразимой (или столь же произвольной), как и следующая? Подчиняется ли он сам, как создание той же сензитивной культуры, современным критериям научной истины или он нашел архимедову точку опоры, которая позволяет ему выйти за пределы этих критериев?» [26].

Конечно, П.А. Сорокин нашел ответ. «С продолжающимся распадом сензитивной суперсистемы и с появлением первых весенних ростков наступающего нового – возможно. Интегрального – социологического порядка современная наука может ожидать прогрессивного продвижения к интегральной системе истины и знания...», так что его собственный труд претендует на то, чтобы считаться интегральным. Однако, я оставляю на ваше усмотрение, чьи аргументы звучат более убедительно.

Осознание кризиса и упадка культуры

Кризис и перспектива. Вывод о своем времени был явно навеян катастрофическими перипетиями биографии мыслителя. Он видит вокруг себя кризис и упадок культуры.

«Мы живем в конце блестящей шестисотлетней чувственной эпохи... Косые лучи солнца все еще освещают пространство, но, угасая, они обнажают тени, и человеку становится все труднее ориентироваться в смятении сумерек... Ночь переходного периода, возможно, с ее кошмарами и ужасами, начинает маячить впереди...» [28].

Косые лучи – это ведь свидетельство заката. Закат Европы, закат мира. Признаки его – это гипертрофия чувственного познания (эмпиризм, материализм), ведущая к утрате духовности. Техническая цивилизация сводит личность к винтику социальной системы. Повсюду триумф грубой силы. Чувственные ценности лишаются силы и превращаются в «культурную свалку», «музей социокультурной патологии».

П.А. Сорокин по природе своей человек, чрезвычайно активный. Он не желает пассивно наблюдать за распадом и гибелью. Необходимо противостоять этому и поскорее создать очаги новой культуры. Он жаждет прина-

Потребность действовать, создавая очаги новой культуры

длежать к творческой элите. Нужны действия по преобразованию социальных институтов и, главное, души человека. В Гарварде он создает свой Центр творческого альтруизма.

Повышение образования не спасает. «Завтра все взрослые могут стать докторами наук, а войны и преступления все равно будут продолжаться».

Спасение – в культивировании бескорыстной созидательной любви. Чтобы это делать, нужна финансовая поддержка – он пытается получить ее от магнатов торговли и промышленности. Главными пропагандистами любви должны стать психологи, медики, историки. Формирование таких личностей ставится на научную основу. Составляется несколько сот биографий выдающихся личностей, образцовых в этом плане, фиксируются характеристики святых, статистические распределения по векам. Исследуются группы альтруистов-добровольцев.

Для общего снижения агрессивности и конфликтности, для укрепления здоровья и освежения атмосферы пропагандируются приемы йоги, буддизма и т. п. П. А. Сорокин немало способствовал распространению повального увлечения студенческой молодежи восточными культами в 1960-х годах. У колыбели Пражской Весны и движения хиппи стояли не только разнужданный еврей Алан Гинсберг, но и чудаковатый русско-американский ученый с экзотическим именем Питирим Сорокин.

В англо-саксонской науке известно и несколько более поздних представителей циклизма. Это Филипп Бэгби с книгой «Культура и история, Прологомены к сравнительному исследованию цивилизаций» (1958) – у него девять главных цивилизаций и 29 периферийных или вторичных. Это также Кэрролл Квигли с книгой «Эволюция цивилизаций. Введение в исторический анализ» (1961) – стадий в развитии у него семь: смешение, созревание, экспансия, конфликт, универсальная империя, разложение, вторжение чужеземцев.

Но принципиально ничего нового по сравнению с А. Тойнби и П.А. Сорокиным эти концепции не представляют. Впрочем, принципиально новой не представляется и концепция, завершающая этот раздел – снова возникшая в России.

Националистический циклизм Льва Гумилева

Судьба. Последнее десятилетие в России все книжные прилавки буквально завалены книгами *Льва Нико-*

Спасение – в культивировании бескорыстной созидательной любви

Перипетии судьбы Л.Н. Гумилева

лаевича Гумилева (1912 – 1992). Выходит множество изданий. И все раскупаются. Лекции Л.Н. Гумилева по телевидению, сделанные за несколько лет до его смерти, по смертно повторяются неоднократно. Торжественно отмечаются его юбилеи. Правда, все это не в научном мире, а около него. Серьезный научный мир России его не принял.

Я знал его лично в течение 40 лет. Судьба его была гораздо более драматичной, чем судьба Питирима Сорокина. Сын двух знаменитых русских поэтов – Николая Гумилева и Анны Ахматовой, – он унаследовал поэтическое воображение отца и лицо матери. Отец был расстрелян в 1920 году по приговору ЧК как участник контрреволюционного заговора. Мать всю жизнь страдала от преследований, сталинский идеолог А.А. Жданов шельмовал ее после войны как идеологически чуждую советскому народу «полумонахию-полублудницу».

Самого Льва Николаевича сажали в лагеря трижды, начиная с 17-летнего возраста. Уму непостижимо, как он выжил. Но он не только выжил, а в промежутках между лагерями сумел получить востоковедческое образование (он специалист по тюркам) и защитить две диссертации (он доктор исторических наук). Написать много книг.

На историческом факультете ему преподавать не давали: идеологический факультет. Пристроили на географическом. Он много работал в Географическом обществе, в отделении этнологии. В этом, как, впрочем, и в лагерном опыте, он следовал по стопам одного из своих учителей – Сергея Иванович Руденко. Тот принадлежал к русской школе палеоэтнологии, соединявшей естественный подход с гуманитарным в синтезе дисциплин: археологии, этнологии и географии. Традиция ведет свое происхождение от видного русского ученого Д.Н. Анучина. Встретившись в 1960-х годах Л.Н. Гумилев с выжившим в лагерях евразийцем П.Н. Савицким, себя Л.Н. Гумилев стал гордо именовать «последним евразийцем» [28]. Однако он повторяет не только евразийцев, а евразийская идеология не окончилась на нем: она сейчас весьма популярна у русских националистов – от коммунистов до фашистов [29].

Л.Н. Гумилева не раз жестоко критиковали главные представители советской науки – этнографии (Ю.В. Бромлей), археологии (Б.А. Рыбаков). Концепция его пробивалась с трудом, сначала небольшими статьями. Главная книга жизни «Этногенез и биосфера Земли»

«Последний евразиец»

была написана в конце 1960-х – начале 1970-х, издана в Ленинграде в 1979 году ограниченным тиражом, дабы не смущать рядового читателя, и пошла массовыми тиражами с 1989. Вместе с ней приобрели популярность и другие его книги. До конца жизни ему оставалось пять лет (он умер восьмидесятилетним). Перед смертью он имел еще время увидеть свой последний большой труд напечатанным – «Конец и снова начало» (1990).

Методы. Свои методические принципы Л.Н. Гумилев излагает так. «Методика может быть либо традиционной методикой гуманитарных наук, либо естественнонаучной» [30]. Он с презрением говорит о гуманитарной науке в университетах: «Чтение, выслушивание и сообщение плодов свободной мысли, – т. е. мифотворчество» [31]. «Для гуманитарной науки описание – предел, а истолкование путем спекулятивной философии в наше время не удовлетворяет никого. Остается перейти полностью на базу естественных наук» [32].

К счастью, Л.Н. Гумилев занимается этнологией, а «Этнология – наука, обрабатывающая гуманитарные материалы методами естественных наук» [33]. Но на деле этносы изучает и история, более того – Л.Н. Гумилев как раз изучает историю этносов, а не их современное состояние. Он выступает в качестве историка. А для историка первое дело – критика источников. Без нее любые факты – не факты. Источники часто просто лгут.

Л.Н. Гумилев не хочет тратить время и силы на работу с источниками: «восстановление его (источника) исторического смысла – дело трудное и не всегда выполнимое... Короче, для нашей постановки проблемы источниковедение – это лучший способ отвлечься настолько, чтобы никогда не вернуться к поставленной задаче – осмыслению исторического процесса» [34].

И в его трудах действительно нет критики источников, нет тщательных описаний, полных перечней, исторических обзоров и т. п. Что же остается? Остается именно мифотворчество.

Л.Н. Гумилеву кажется, что он делает все, чего требует естественная методика – выявляет статистические закономерности, классифицирует материал, применяет сравнительный метод... Ничего этого на деле в его трудах нет. Ни одной статистической таблицы, ни одной корреляции или регрессии. Ни одного графика распределения, частотного анализа, хотя бы сравнительных таблиц!

Нет, есть изображения кривых, но на осях ординат не отложены измеряемые величины, точки кривой не

вычислены, а нанесены произвольно. Есть карты, но они не выполнены по объективным критериям, а придуманы по наитию. Вообще у Л.Н. Гумилева не обобщения фактов, а парад примеров, при чем даны они навалом – для вящего впечатления (какова эрудиция!). Но примерами можно доказать все, что угодно.

Л. Н. Гумилев – не естествоиспытатель. Он мифотворец, при чем лукавый мифотворец – рядящийся в халат естествоиспытателя.

Сравнивая русских современников с древними русичами, он признает, что по его принципиальным критериям они должны считаться другим этносом. «По принятому нами принципу, речь в данном случае должна идти о совершенно разных этносах. Но мы-то знаем, что это один этнос» [35]. Мы-то знаем... Интуиция подсказывает... Так зачем тогда обобщать факты, строить доказательство? У Гумилева есть какое-то априорное знание, о котором он не оповестил заранее читателя и которое он вытаскивает всякий раз, когда нужно отбросить только что провозглашенный принцип.

Это априорное знание – о сути этноса.

Этнос у Л.Н. Гумилева. Гумилевскую концепцию этноса называют *этноландшафтной*. Действительно, во многих статьях и книгах Л.Н. Гумилев декларативно утверждает, что этнос формируется под воздействием географических факторов посредством воспитания на основе традиции и реализуется в поведении. То есть что это культурное явление. Но это лишь декларативно.

На деле он трактует этнос иначе. Прежде всего он уподобляет его организму. Этнос рождается, живет и умирает.

Греческое *εθνος* он переводит как «порода людей». Его качества находятся в телах. Это по сути у него виды – как в биологии. Нет, это не раса – ведь раса определяется по внешним признакам. А этнос – по более важным, внутренним, но столь же соматическим, телесным! В этом смысле он равен расе.

О национальной элите – у Л.Н. Гумилева она называется *пассионариями* – он говорит, что это признак генетический, наследственный, биологический [36].

Динамика этногенеза. Первоначальный толчок к зарождению нового этноса – пассинарность некоторых индивидов. Это «импульс поведения», который «лежит в основе антиэгоистической этики, где интересы коллектива, пусть даже неверно понятые, превалируют над жадной жизнью и заботой о собственном потомстве. Особи, обладающие этим признаком, при благоприят-

Обрабатывая гуманитарный материал методами естественных наук

Пренебрежение работы с источниками

Мифотворчество в исторической этнологии

Этноландшафтная концепция Л.Н. Гумилева

Пассионарии и их роль в динамике этногенеза

ных для себя условиях совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиции и инициируют новые этносы» [37].

Когда пассионариев много, этнос процветает, когда мало – приходит в упадок.

Пассионарность – это результат генетических мутаций, а те – от излучения, являющегося из внепланетного пространства. Это энергия, собранная в лучи, падающие на определенные участки и в определенные эпохи (как метеоры). Земля покрывается как бы рубцами, к которым тотчас приливает кровь. Приложена карта с изображением этих самых рубцов. Кто измерил эти мистические лучи? Кто хотя бы зафиксировал их наличие в указанных местах? Оно просто предположено Гумилевым для объяснения некоторых этнических явлений. А что служит доказательством наличия этих лучей? А доказательства – эти самые явления. Впрочем, мистика ведь и не требует доказательств.

В своем жизненном цикле этнос переживает следующие фазы: 1) подъем – скрытый, а потом явный, 2) акме – высшее развитие, 3) надлом, 4) инерция, 5) обскурация (затемнение), 6) мемориальная фаза – когда этнос живет памятью, 7) гомеостаз – подвижное равновесие, 8) реликт. От других циклистов Л.Н. Гумилев отличается умножением фаз цикла за счет дробления последней фазы на множество этапов умирания.

«Антиэгоистическая этика» – это же почти альтруизм Питирима Сорокина, не так ли? Нет, это совсем другое. Пассионарии отличаются сильным темпераментом и маниакальным стремлением к реализации идеи. Идей же может быть и агрессия, экспансия, война с другими этносами, завоевания.

Этносы Л.Н. Гумилева замкнуты и чужды друг другу. Смешивание их он считает губительным, вредным. «... Часто бывает так, что этносы «прорастают» друг через друга. Внутри одного суперэтноса это не вызывает трагических последствий, но на суперэтническом уровне такие метастазы создают химерные комбинации, ведущие к гибели...». Суперэтнос связан с природой своего района, завел себе ниши в нем. «Кровь и при этой ситуации льется, но не очень, и жить можно. Но если в эту систему вторгается новая, чужая этническая целостность, то она, не находя для себя экологической ниши, вынуждена жить не за счет ландшафта, а за счет его обитателей. Это не просто соседство и не симбиоз, а химера...».

Он приводит пример из зоологии – глисты. Организм страдает. «Живя в его теле, паразит соучаствует в

его жизненном цикле, диктуя повышенную потребность в питании и изменяя биохимию организма своими гормонами... Все ужасы столкновений при симбиозе меркнут перед ядом химеры на уровне суперэтноса... Естественно, что крепкие, пассионарно напряженные этнические системы не допускают в свою среду посторонние элементы» [38] – инородцев, назовем вещи своими именами.

Пример – Османская Турция, где прилив инородцев калечил стереотип поведения. Другой пример – евреи в России. «...Потомство от экзогамных браков либо гибнет в третьем поколении, либо распадается на отцовскую и материнскую линии [39]. «Природу и культуру губят свободное общение и свободная любовь» [40].

Это мораль апартеида и этнических чисток. Это обоснование генеалогического контроля государства за расовой чистотой. Учение Л.Н. Гумилева, декларирующего свое православие, поражает полным отсутствием критериев христианской нравственности. Он признает лишь социальную солидарность внутри этноса, позволяющую этносу выжить в столкновениях с другими этносами. Поэтому в его мире нет места совести, состраданию, милосердию. Жестокость для него норма. С одобрением пересказывая эпизоды кровавой расправы над нарушителями апартеида, он восхищается чередой массовых кровопролитий, учиняемых пассионариями.

Если других циклистов к циклизму толкало ощущение упадка, кризиса, и стремление объяснить это, то Л.Н. Гумилева, так же, как и Н.Я. Данилевского, привлекала в циклизме другая его сторона – замкнутость каждой культуры. К этому его толкало чувство национальной обособленности, национальное самолюбие, враждебность к другим нациям. Это было порождением национальной униженности великодержавной нации в годы советской власти и выражало те подспудные силы взаимного отторжения, которые зрели в эти годы в СССР и разразились под конец жизни Л.Н. Гумилева распадом сталинской империи.

Л.Н. Гумилев воспринимал русский этнос как более молодой, чем западные, соответственно он пророчил ему рост и экспансию и заботился о том, чтобы стимулировать русских пассионариев. Между тем на деле происходило нечто противоположное. Россия – одна из последних империй на земле. Все понимают, что Советская империя распалась. Но мало кто замечает, что 75-летний советский период истории России – это всего лишь короткий эпизод на шкале этногенеза, и это эпизод рас-

Мораль апартеида
и этнических чисток

Привлекательность
идей изоляционизма

Фазы жизненного
цикла этноса

Этносы замкнуты
и чужды друг другу

пада. Ведь распад начался не с Беловежской пущи, а с самого образования национальных республик, часть из которых отделилась тогда же (Финляндия, Прибалтийские республики, Бессарабия), другие предприняли попытки самостоятельного существования. Лиха беда начало...

Л.Н. Гумилев как продолжатель идей литераторов-пророков

В конце жизни Л.Н. Гумилев выступил с декларациями полной поддержки советских войск, подавлявших национальные мятежи (литовцев и др.) на периферии Советского государства (Русской империи для Л.Н. Гумилева). Это узник сталинских лагерей...

Заключение. Л.Н. Гумилева его апологеты превозносят как чрезвычайно оригинального мыслителя и новатора, открывателя истин. Л.Н. Гумилев – талантливый литератор со страдальческой судьбой. Но он не новатор и не оригинален. Он замыкающий в длинной череде литераторов-пророков. Это известная в науке и разработанная традиция. Его пассионарии – это элита А. Тойнби, сильные личности О. Шпенглера и инициаторы П.А. Сорокина. Его формирующие этнос ландшафты напоминают роль ландшафтов О. Шпенглера и «духовные ландшафты» В. Шубарта. У Л.Н. Гумилева мутации и А. Тойнби мутации (хотя у последнего не прямо биологические). Гумилевские «народы-паразиты» напоминают «мусорщиков истории» Н.Я. Данилевского.

От Н.Я. Данилевского до Л.Н. Гумилева

Если взглянуть на эту плеяду мыслителей – от Н.Я. Данилевского до Л.Н. Гумилева, – то что еще у них общего? Все шестеро – европейцы, все жили в обстоятельствах кризисных, связанных с общеевропейскими и мировыми войнами и революциями. Пятеро из них испытали поражение своей страны или среды. Четверо – Н.Я. Данилевский, В. Шубарт, П.А. Сорокин и Л.Н. Гумилев – связаны с Россией. Трое – Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин и Л.Н. Гумилев – прошли через тюрьму. Двое – Н.Я. Данилевский и П.А. Сорокин – были в юности революционерами. Все за исключением, пожалуй, В. Шубарта и А. Тойнби, претендуют на естественно-научный стиль мышления, но на деле (и тут уж без исключений) отводят изрядную долю витализму и мистике. Только двое из них (А. Тойнби и П.А. Сорокин) воспринимались как ученые и проповедники, остальные – больше как пророки.

Циклизм – неумирающая идея

Циклизм – неумирающая идея. В 1968 году, в год смерти А. Тойнби, в Германии Арним фон Геркан выпустил в кельнском археологическом журнале статью «Строение наших крупных исторических периодов». В

ней он выделяет циклы истории длительностью по 1760 лет (немногим длиннее, чем у Л.А.Ж. Кетле). Мы – в конце цикла, начавшегося в 550 году с основания варварской Европы на обломках Римской империи. Апогей цикла был в 1430 году – в эпоху позднего Возрождения и Жанны д'Арк. Следующий цикл будет с 2310 года по 4070.

Я уже не доживу. Впрочем, вы тоже.

1. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Герсано-Романскому. – СПб., 1995. (ориг. 1869 в журн. «Заря», в. 3 – 4; перв. отд. изд.: СПб тов-во обществ).

2. *Там же.*

3. *Соловьев В.* Россия и Европа – Европейский альманах. История. Культура. – М., 1990. – С. 89.

4. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М., 1998. – Т. 2. – С. 507.

5. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М., 1993. – Т. 1. (ориг. 1918 – 1922, перв. русск. перев. М., 1923).

6. *Там же.*

7. *Там же.*

8. *Там же.*

9. *Там же.* – С. 109 – 110.

10. *Флоровский Г. В.* Евразийский соблазн // Новый мир. 1991. – № 1. – С. 205.

11. *Савицкий П. Н.* Степь и оседлость. – Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 77.

12. *Winetrou K. (ed.).* After one is dead: Arnold Toynbee as prophet: essays in honor of Toynbee's centennial. – Hampden, Mass., Hillside Press, 1989. – P. 14.

13. *Popper K.R.* The open society and its enemies. 2d ed. 2 vols. – London: Routledge and K. Paul, 1950. – P. 455.

14. *Ibid.* – P. 453.

15. *Geyl P.* Debates with historians. – New York: Meridian Books, 1958. – P. 116.

16. *Ibid.* – P. 185.

17. *Ibid.* – P. 159.

18. *Ortega y Gasset J.* Interpretation der Weltgeschichte. Rund um Toynbee. – München, G. Müller, 1964. (Engl. ed.: An interpretation of the universal history. – New York, Norton, 1973).

19. *Ibid.* – P. 26.
20. *Ibid.* – P. 279.
21. *Ibid.* – P. 240.
22. *Ibid.* – P. 3.
23. *Last J.* The nature of history. – Hodder I. et al. *Interpreting archaeology: Finding meaning in the past.* – London and New York: Routledge, 1995. – P. 141 – 157. – P. 141.
24. *Johnston Barry W.* Pitirim Sorokin: an intellectual biography. – Lawrence, Kan.: University Press of Kansas, 1995. P. 289.
25. *Allen Philip J.* Pitirim A. Sorokin in review. – Durham NC, Duke University Press, 1963. P. 70, 92.
26. *Ibid.* – P. 358.
27. *Sorokin P.* Social and cultural dynamics. – New York, American Books Co., vol. 1 – 4, 1941; new ed. Bedminster press, 1962.
28. *Гумилев Л. Н.* Исповедь последнего евразийца. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М., 1993.
29. *Мороз Е. Л.* Наследие евразийцев. Между историей и политикой // Барьер. – 1999. – № 1 (5). – С. 72 – 102; *Мороз Е. Л.* Соблазняющие власть: евразийский фантом // Барьер. – 2001. – № 7. – С. 21 – 48.
30. Л.Н. Гумилев (1979: 19).
31. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989. – С. 336 – 337.
32. *Там же.* – С. 160.
33. *Там же.* – С. 267.
34. *Там же.* – С. 159 – 160.
35. *Там же.* – С. 344 – 345.
36. *Там же.* – С. 252.
37. *Там же.* – С. 272.
38. *Там же.* – С. 302.
39. *Там же.* – С. 86.
40. *Там же.* – С. 89.

Александр Водолагин

ТУСКЛЫЙ СВЕТ ЭКЗИСТЕНЦИИ: DASEIN-АНАЛИЗ В РАБОТАХ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ И М. ХАЙДЕГГЕРА

Аннотация: В статье обсуждается проблема тайны времени как ключевого, неразрешенного вопроса западной философии. Раскрываются философские подходы к проблеме времени в работах Г.В.Ф. Гегеля и М. Хайдеггера. Показывается идея времени как наглядного становления бытия. Показывается как в западной философии происходит становление понимания сущности времени через Dasein и его основные модусы: в-себе-бытие, бытие-для-другого, для-себя-бытие. Раскрывается идея экзистенциально-онтологической значимости мышления. Соотносятся гегелевская идея об отрицании отрицания и экзистенция как обнаружении истины бытия.

Ключевые слова: экзистенция, Dasein, время, бытие, смысл, ничто, конечность, временность, воля, Г.В.Ф. Гегель, М. Хайдеггер

Annotation: There is can be found discussion of the problem of mystery of time as key unsettled question of western philosophy. The author describes philosophical approaches to the problem of time in the works by G. W. F. Hegel and M. Heidegger. The author demonstrates establishing of understanding of essence of time through Dasein and its main moduses.

Key-words: existence, Dasein, time, being, sense, nothing, finiteness, temporariness, volition, G. W. F. Hegel and M. Heidegger.

Тайна времени – «самая большая загвоздка» западной философии

В размежевании с западной онтологической традицией, нацеленном на «преодоление метафизики», самым серьезным испытанием для М. Хайдеггера стало столкновение с гегелевским панлогизмом. Он взялся всерьез за Г.В.Ф. Гегеля довольно-таки поздно – в 1925 году, когда читал в университете Марбурга лекции об истории понятия времени и вел семинар по «Науке логики» для студентов старших курсов. Именно в этот период М. Хайдеггеру впервые открылись глубины гегелевской философии, и эти открытия принесли ему много радости. Вместе с тем он испытал недоумение, вызванное гегелевским утверждением о различии бытия и ничто. «Прежде всего, я совершенно не понимаю, в какой мере бытие и ничто – в гегелевском смысле – должны быть различны, – признавался он в письме К. Ясперсу 10 декабря 1925 года. – И очень хорошо понимаю то, что Гегель выдает за собственно парадокс, а именно, что бытие и ничто идентичны. Ведь Гегель